

УДК 81

ЯЗЫК И ПОЗНАНИЕ: БИОЛОГО-СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

© 2011 г.

Т.Ю. Ма

Амурский госуниверситет

tdovnar@mail.ru

Поступила в редакцию 04.05.2010

Рассматривается роль человеческого фактора в концептуализации и категоризации мира, определяемых в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы в языкознании в качестве перспективных задач и одновременно подходов к изучению механизмов познания.

Ключевые слова: человеческий фактор, социальное взаимодействие, концептуальная система, категоризация, наблюдатель, биология познания.

Обращение исследователей к «человеческому фактору» было квалифицировано в конце восьмидесятых годов двадцатого века как неотъемлемое условие изучения языковых явлений и процессов. Язык, в соответствии с предложенной Г.В. Колшанским концепцией, одновременно выступает как способ материальной, физической фиксации нейрофизиологических процессов мышления индивидов и способ интериоризации мышления в границах социума. Человеческий фактор – как атрибут деятельности человека, рассматриваемый в двух аспектах: биологическом и социальном [6]. Вывод о нецелесообразности исследования языка вне реального мира, в котором он формируется и функционирует, без учета объективного, субъективного и человеческого, или биологического, фактора в языке предопределил антропоцентрическую направленность лингвистических исследований в рамках новой научной парадигмы и включение ряда положений биологии познания в сферу интересов сторонников когнитивизма.

В течение нескольких лет проблема человеческого фактора в языке привлекала внимание ученых, и в начале XXI века, по убеждению В.З. Демьянкова, «языкознание как раздел филологии относится к таким наукам о человеке, в которых отвлечься от человеческого фактора можно лишь ценой адекватности» [5, с. 5]. Антропоцентрическая направленность определяет перспективность и целесообразность современных исследований языка как средства и продукта познавательной деятельности индивида. Изучение процессов восприятия, хранения и переработки информации, непосредственно отражающих процесс человеческого познания через

язык, помогает понять, как представлены знания в ментальном лексиконе, в какой степени накопленные знания и опыт индивида трансформируются в языковом знаке, как происходит их дальнейшая ретрансляция от человека к человеку.

Доминирующая на данном этапе эволюции лингвистических взглядов когнитивно-дискурсивная парадигма, определяемая Е.С. Кубряковой как синтезирующая в своих установках некоторые постулаты когнитивной лингвистики и теории коммуникации, позволяет описывать языковые знаки с учетом их содержания и формы [7, с. 16]. Коммуникация является источником информации о мире. Когниция обеспечивает восприятие, хранение и переработку этой информации в форме концептов разной степени абстракции. Связующим звеном между когницией и коммуникацией являются языковые знаки, вербализующие концепты как фрагменты человеческого опыта познания мира, делаая его доступным для научного анализа и интерпретации. «Концепты, которые управляют нашим мышлением, – подчеркивает Дж. Лакофф, – не просто порождения ума. Они... структурируют наши ощущения, поведение, наше отношение к другим людям... Так как коммуникация основывается на той же концептуальной системе, которая используется и в мышлении, и в деятельности, язык оказывается важным источником данных об этой системе» [10, с. 25], то есть оказывается «концептуально зависимым». Интерпретация языковых значений происходит в условиях взаимодействия самых разных концептуальных систем, включая систематики типа социальных норм. Наиболее наглядно существующие нормы реализуются в институцио-

нальных типах дискурса, регламентирующих правила употребления языковых единиц и концептуализацию стоящих за ними значений в зависимости от контекста коммуникации. Анализ дискурса (понимаемый широко как интегральная сфера изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социально-культурной обусловленности) эксплицирует положенные в основу выделения институциональных типов концептуальные системы – политическую, религиозную, педагогическую, медицинскую и т. д. – и объективирует присущие им регулятивные принципы социального общения.

Усвоение языка, согласно концепции Р.И. Павлениса, – это не только обретение средства кодирования (вербализации) концептов, но и обретение средства социальной коммуникации, конвенциональной ориентации концептуальных систем. При этом концептуальная система понимается автором не только как совокупность правил употребления языковых выражений или «энциклопедические знания о мире», но и как система взаимосвязанной информации, отражающей познавательный опыт индивида на самых разных уровнях и в самых разных аспектах освоения, осмысления окружающей действительности. Наиболее абстрактные концепты в такой системе континуально связаны с концептами, отражающими обыденный опыт как часть одной концептуальной системы [13, с. 386 – 387]. Наивысшей степени абстракции достигают концепты, воплощающие коллективный опыт познания, максимально обобщенные представления о мире в языковых знаках, на основе интерпретации значений которых возможно воссоздание достаточно цельного фрагмента действительности во всем многообразии его элементов и внутрисистемных связей: «время», «пространство», «сознание», «мышление».

Идея континуальности концептуальной информации предполагает возможность апелляции к любому из компонентов системы посредством анализа ее составляющих, а также наличия общих признаков у двух и более концептов. Общие признаки доказывают принадлежность концептов к одной концептуальной системе и существование между ними определенного внутреннего сходства. Концептуальная система, таким образом, может быть охарактеризована как система категориальная, обладающая признаками центральности, градации членства и др. Наиболее репрезентативными членами оказываются концепты базового уровня (наименьшей степени абстракции и сложности), оцениваемые как прототипные благодаря способности чело-

века быстро и легко идентифицировать их принадлежность к концептуальной системе. Например, концепты «врач», «пациент», «политик», «проповедник», «учитель», «ученик» безошибочно квалифицируются воспринимающим субъектом как относящиеся к определенному типу институционального дискурса в отличие от целей, ценностей, хронотопа, стратегий или других дискурсивных элементов (e.g. концепт «знание» обладает непреходящей ценностью и в научном, и в педагогическом дискурсе). Данные концепты определяют статус участника дискурса как *homo loquens* и онтологически оказываются максимально приближенными к сущности социального взаимодействия индивидов дискурсивными элементами.

Выделение религиозного, политического, медицинского, рекламного дискурса, в свою очередь, происходит в результате объединения внешне разнородных элементов в одну концептуальную систему, образующую определенный институциональный тип. Концепты прецедентных текстов (проповедь, инаугурационная речь, рекламный слоган), концепты, отражающие ценностные ориентиры институционального типа («свобода», «вера», «здоровье», «знание»), концепты «время» и «пространство», ограничивающие хронологические рамки «текста плюс ситуация», концептуально выраженные участники дискурса категорируются на основе выявления у них признаков «семейного сходства». К примеру, религиозный дискурс составляют элементы, не имеющие общего свойства, определяющего их принадлежность к данному типу: понятия «священнослужитель» – «прихожане» – «проповедь» – «религиозные заповеди (ценности)» – «храм» – «литургия» складываются человеческим мышлением в ассоциативный ряд в результате концептуализации стоящих за обозначающими понятия словами представлений и силлогического анализа их имплицитных связей. «Ситуативность, – пишет А.Ф. Алефиренко, – порождает ассоциативные связи между разными предметами мысли, которые, однако, объединяют их в одну категорию не по их первичной соотнесенности с действительностью, а по опосредованно-производным связям в структуре косвенного знакообозначения» [1, с. 203–204]. Опираясь на концепты, имеющими языковую объективацию, человек упорядочивает свои представления о том, как эти концепты устроены и как между собой связаны, в каких категориальных системах репрезентированы и в каких ситуациях общения востребованы.

Как и категории, концептуальные системы не являются априорными. Целостное восприя-

тие разнородных элементов как системообразующих концептов реализуется в условиях коммуникативной ситуации, определяющей границы дискурсивного мышления и его социально-прагматическую направленность. Создание концептуальных систем – социально обусловленный когнитивный процесс, в котором задействованы категории языка и категории логического мышления. Первые помогают структурировать и объективировать в языке представления об устройстве концептуальной системы, вторые – устанавливая отводимое в ней место тому или иному концепту, при этом категоризация и концептуализация нацелены на установление потенциального, в том числе, ассоциативного, тождества элементов.

Категоризация как логическая операция, направленная на формирование классов предметов и сущностей в человеческом сознании, является одновременно процессом и результатом познавательной деятельности индивида. В прототипически устроенных таксономиях категоризация может рассматриваться как процедура выводного знания: определения места концепта в иерархии подобных единиц ментального лексикона, относящихся к одной системе, то есть тождественных по определенному признаку. По мнению Т.А. Фесенко, в процессе конструирования концептуальной системы выявляется предпочтение, отдаваемое определенному концепту, так как каждый концепт, выраженный вербальными средствами, отражает мнение носителя языка о мире и выполняет, таким образом, ориентирующую функцию в процессе познания индивидом окружающей действительности [15]. Ценность концепта как системообразующего элемента зависит от уровня его абстракции и определяется путем сравнения концептуальных признаков двух и более концептов. В ходе концептуального анализа можно установить, насколько велик познавательный потенциал концепта, знания какого порядка преобладают в его содержании, и как часто апеллирует к этим знаниям индивид в процессе своей жизнедеятельности. Наиболее абстрактные концепты занимают приоритетное положение в концептуальной системе, так как аккумулируют в себе признаки более просто организованных концептов и, как следствие, обладают большим познавательным и ориентирующим потенциалом: «свобода», «право», «необходимость», «сущность», «развитие», «информация» и т. д. «Ценностная объектность, – на что обращает внимание Э. Гуссерль, – имплицитно своей предмет, в качестве нового объективного слоя она вносит сюда ценность. Ценностная

ситуация заключает в себе относящуюся к ней «простую» ситуацию, ценностное свойство – свойство вещи и сверх того – ценность» [4, с. 91]. Ценность согласно концепции Э. Гуссерля следует трактовать как дополнительный интерпретационный признак, эксплицируемый в процессе сопоставительного анализа концептов. Поэтому, наряду с установлением тождества, в конструировании концептуальной системы используется и такая мыслительная операция, как дифференциация, позволяющая определить наличие или отсутствие ценностного признака у концепта.

Максимальная обобщенность по содержанию присуща концептам, в которых среди актуальных (ядерных) компонентов доминирует гносеологически ценностный признак: «время», «пространство», «бытие». Данные концепты приближены по своей онтологической сущности к философским категориям, выступающим в качестве наиболее общих и фундаментальных понятий и отражающим существенные свойства и отношения явлений действительности и познания. Философские категории являются наивысшим уровнем абстракции явлений объективного мира и методологической основой научного мышления. Философские категории объективируются в структуре концептов, содержание и ценность которых определяются коллективным познавательным опытом человечества и незначительно варьируются в пределах национального культурного контекста. Целостность и фундаментальный характер философских категорий способствуют постижению стоящих за словом как именем концепта представлений, дополняют обыденное понимание концептуального содержания философским.

Категории, заимствованные со своим мыслительным содержанием из одного учения в другое, по мнению ученых, позволяют использовать философское знание и философскую культуру в других науках о человеке, эксплицировать всеобщие по своему значению стороны вещей и явлений через призму категорий философии. Благодаря универсальности заключенного в категориях опыта познания мира, философскими категориями можно оперировать как общенаучными понятиями и описывать многообразие существующих отношений человека и действительности в терминах философской науки. Так возникновение междисциплинарных направлений исследований в конце XX века повлекло за собой не только становление новых понятий, но и расширение сферы применения традиционных, которые были подняты на новый методологический уровень и получили ста-

тус общенаучных. «Тождество» и «различие», сохраняя статус философских антиномий, используются в описании процессов соответствующих мыслительных операций. «Время», «пространство» анализируются как культуроспецифические концепты. «Сознание», одно из основных понятий философии, присутствует как составная часть в лингвистических исследованиях индивидуального, языкового и национального самосознания личности. Термином «категории» обозначают не только всеобщие понятия, но и любые классы, группы, разряды предметов, обладающих общими признаками.

Мышление человека, как считают специалисты в области психологии, философии, социологии, культурологии, категориально обусловлено. Категории формируют, организуют и упорядочивают мышление человека, в самой природе которого заключен определенный категориальный порядок. Категоризация является ключом к пониманию механизмов получения выводного знания и построения концептуальных систем. Какими бы уникальными и единичными ни представлялись некоторые явления и предметы окружающей действительности, их ценность проявляется лишь в сравнении с подобными им явлениями и предметами, они – лишь часть общей системы, иногда – прототипы категории, иногда – наиболее абстрактные концепты в картине мира индивида и общества.

Признание основополагающей роли категоризации в процессах познания и понимания мира и активное обращение к ней как объекту научного исследования в конце XX века обеспечило выдвижение на первый план когнитивных методов изучения языка и речи. Рассмотрение механизмов естественного вывода стало неотъемлемым компонентом когнитивно-дискурсивного подхода к анализу человеческого мышления, концептуальных структур и категорий. В частности, говоря о целях научных разработок, проводимых в рамках когнитивной парадигмы, Е.С. Кубрякова обращает внимание лингвистов на необходимость определения способов репрезентации мира в сознании человека, форматов или структур знания, которые можно выделить в представлении опыта взаимодействия человека со средой, процессов упорядочивания поступающей к человеку по разным каналам информации, и, главное, объяснения того, через какие акты концептуализации и категоризации мира происходит подобное упорядочивание (то есть, что отличает подобные акты, как соотносятся между собой в любом из актов мыслительной деятельности данные из разных областей других когнитивных наук с языковыми данными) [8].

Попытки ученых понять и разъяснить феномены концептуализации и категоризации знаний свидетельствует не только о существовании различных подходов к определению этих понятий, но и о том, какое значение им придается в когнитивной теории. Даже обыденный опыт человека, согласно наблюдениям Э.К. Лиепиня, простые эмпирические суждения включают процесс категоризации. Например, услышав шум за окном, человек может довести восприятие шума до своего сознания только в том случае, если свяжет его посредством суждения с некоторым объектом реального мира: «пролетел самолет», «обрушилась поленица дров». Категоризованные эмпирические суждения являются не просто обычной констатацией чувственных данных, они включают в себя также понимание и объяснение этих данных [11, с. 2]. Для того чтобы состоялся процесс категоризации, в памяти человека должны существовать «эталонные» дискретных образов (визуальных, звуковых, обонятельных, тактильных), с которыми происходит сопоставление вновь воспринимаемых явлений. Дискретные образы, в свою очередь, входят в классы, группы, разряды предметов и явлений, усвоенных ранее индивидом в ходе познания окружающего мира. Часть этой категориальной информации имеет универсальный («пролетел самолет»), часть – идиоэтнический или социально обусловленный характер («обрушилась поленица дров»).

Способность к категоризации – это способность использовать предыдущий опыт для интерпретации нового знания. Восприятие, идентификация и категоризация явлений действительности осуществляется не в информационном вакууме, а в определенной информационной системе, концептуально и категориально оформленной в соответствии с познавательным опытом индивида. «В значительной степени, – пишет Н.К. Рябцева, – категоризация предопределяется не только перцептивными возможностями человека, но и его «устройством». В ней участвуют все его способности, опыт и воображение, и поэтому она обязательно антропоцентрична... телеологична и динамична, и тем самым более чем естественна для человека» [14, с. 28]. Осмысление и категоризация информации на основе предшествующего опыта происходит благодаря способности человеческого мышления и памяти соотносить новые данные с ранее полученными представлениями о мире. Независимо от истинности сформированных представлений их статус расценивается воспринимающим субъектом как эталонный, нормативный, прототипный, иначе сам факт сравне-

ния не имел бы места в познании, а соответствующая мыслительная операция не была бы востребована.

Процесс категоризации непосредственно связан с определением качества получаемой информации: ее новизны и практической пользы для человека. Категоризация позволяет дифференцировать релевантную информацию, определять ее коммуникативно-познавательную ценность, целесообразность и объем дальнейшего использования в соответствии с потребностями индивида. По мнению Е.Н. Кучер, организм защищает себя от перегрузки, элиминируя сигналы, которыми можно пренебречь, и пропускает через селективный фильтр только часть исходных стимулов, которые участвуют в дальнейших когнитивных процессах: осознаются, обрабатываются мышлением, попадают в долговременную память [9, с. 153]. Данной точки зрения придерживается Н.Ф. Алефиренко, говоря о том, что в обыденном сознании откладывается только та информация, которая имеет коммуникативно-прагматическую ценность, в противном случае человек оказался бы в «мире бесконечного смыслового космоса» [1, с. 66]. Дифференцированный характер восприятия подчеркивают Н.Н. Болдырев и О.В. Магировская, уточняя, что человек на уровне развитого сознания меньше задействует информацию, получаемую по каналам органов чувств, так как вынужден решать более сложные задачи познания, связанные с осмыслением абстрактных сущностей, выявлением типов отношений между объектами реального мира и т. д. [2]. В то же время приоритетность обработки поступающих по разным каналам данных остается к настоящему моменту малоизученной проблемой: направленность восприятия может зависеть как от коммуникативно-прагматических потребностей индивида, так и его биологических потребностей, быть как социально, так и физиологически обусловленным процессом.

В первую очередь воспринимается и подвергается категоризации любая новая информация: звуки, запахи, образы, ощущения, находящиеся за рамками привычной картины мира. Внимание невольно акцентируется на моментах действительности, «нарушающих» ожидания, поскольку человек – существо биологосоциальное, и познавательная деятельность, согласно концепции У. Матураны, представляет собой в значительной степени биологическое явление, а наблюдатель – живую систему [12]. Наряду с практическим интересом к «новому» как форме удовлетворения познавательной потребности, человек может испытывать страх

перед неизвестным, проявляющийся в сосредоточении внимания на нем. Подобные эмоциональные состояния характерны для живых систем, выступающих в качестве «наблюдателей», так как во многом обеспечивают их безопасность, целостность и развитие: «Посредством своей организации, – уточняет У. Матурана, – живая система определяет область всех взаимодействий, в которые она может вступать без утраты собственной идентичности, а идентичность свою она сохраняет лишь до тех пор, пока фундаментальная кругообразность, определяющая живую систему в качестве единства взаимодействий, остается не нарушенной» [12, с. 99]. Новое знание нарушает равновесие системы, вводя новые элементы в устоявшиеся категориальные отношения, поэтому живая система мгновенно реагирует на их появление обостренным восприятием – появлением активных перцептивных действий, позволяющих выделять новое информативное содержание ситуации и оценивать его, исходя из прагматических установок наблюдателя. Без учета биологической сущности наблюдателя невозможно, по мнению У. Матураны, понять и объяснить феномен познания, в котором феномен наблюдения играет решающую роль. «Наблюдатель – живая система, поэтому, чтобы понять познание как биологическое явление, необходимо учитывать наблюдателя и его роль в познании и дать им объяснение» [12, с. 98]. Фигура наблюдателя – это отправная точка исследования когнитивных механизмов познания, концептуализации и категоризации знаний, обеспечивающих функционирование и развитие живых систем посредством восприятия и переработки витальной информации.

Биологическая концепция У. Матураны получила в современной лингвистике неоднозначную оценку, однако сам факт ее существования, наряду с достижениями отечественных ученых в области психолингвистики, нейролингвистики, искусственного интеллекта, заставил исследователей задуматься о роли биологического фактора в теории познания и дальнейшего развития когнитивных идей в русле новой эпистемологии. «Человеческий биологический, т. е. физиологический, перцептивный фактор, – подчеркивает Т.Л. Верхотурова, – оказывает очень серьезное влияние на (а может быть, полностью предопределяет) схемы, модели, структуры категоризованного опыта» [3, с. 45]. Когнитивные модели категоризации опосредованы опытом наблюдателя, спроектированы в соответствии с его потребностями, «встроены» в картину мира воспринимающего субъекта как ценностные

ориентиры. Позиция наблюдателя определяет ракурс рассмотрения и структурирования новой информации, и эта позиция во многом определяется биолого-социальной природой человека.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.

2. Болдырев Н.Н., Магировская О.В. Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики, 2009. № 2 (019) С. 7–14.

3. Верхотурова Т.Л. Метакатегория «наблюдатель» в научной картине мира // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. М.: Гнозис, 2006. С. 45–65.

4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии // Язык и интеллект: Сб. ст.: Пер. с англ. и нем. / Сост. и вступ. ст. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1996. С. 14–95.

5. Демьянков В.З. *Studia Linguistica Cognitiva* – призыв к сотрудничеству / *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. М.: Гнозис, 2006. 364 с.

6. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Отв. ред. А.М. Шахнарович. Предисл. С.И. Мельник и А.М. Шахнаровича. Изд. 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. 128 с.

7. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004. № 1(001). С. 6–17.

8. Кубрякова Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. матер, 26–28 сентября 2006 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. С. 26–31.

9. Кучер Е.Н. Познание познания: когнитивные науки // Когнитивный подход: Научная монография / Отв. ред. – академик РАН В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. С. 133–165.

10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

11. Лиепине Э.К. Категориальные ориентации познания. Рига: Зинатне, 1986. 210 с.

12. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект: Сб. ст.: Пер. с англ. и нем. / Сост. и вступ. ст. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1996. С. 95–143.

13. Павиленис Р.И. Проблема смысла и мысль. М.: Мысль, 1986. 389 с.

14. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 640 с.

15. Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования: Автореф. ... дис... д-ра филол. наук. М., 1999. 46 с.

LANGUAGE AND COGNITION: BIOLOGICAL AND SOCIAL ASPECTS

T.Yu. Ma

The article deals with the human factor involved in the process of world categorization and conceptualization, defined as prospects and approaches to cognitive mechanisms in the language study paradigm of modern linguistics.

Keywords: human factor, social interaction, conceptual system, categorization, observer, biological aspect of cognition.